

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.15>

Ананьина Дарья Александровна

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

В статье поднимается вопрос о взаимодействии государства и религии в условиях деятельности организаций ультрарадикального исламского толка. В качестве проблемного поля выбран регион Центральной Азии, представляющий собой "колыбель" разного рода террористических организаций, главным образом религиозных. Также в работе рассматривается религия в качестве инструмента, приобретающего в определенных условиях как конструктивные, созидательные черты, так и разрушительные и деструктивные. При этом именно государственно-конфессиональные взаимоотношения выступают вектором, направляющим развитие религии по тому или иному сценарию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/15.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 1. С. 72-76. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1; 297.1

Дата поступления рукописи: 01.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.15>

В статье поднимается вопрос о взаимодействии государства и религии в условиях деятельности организаций ультрарадикального исламского толка. В качестве проблемного поля выбран регион Центральной Азии, представляющий собой «колыбель» разного рода террористических организаций, главным образом религиозных. Также в работе рассматривается религия в качестве инструмента, приобретающего в определенных условиях как конструктивные, созидательные черты, так и разрушительные и деструктивные. При этом именно государственно-конфессиональные взаимоотношения выступают вектором, направляющим развитие религии по тому или иному сценарию.

Ключевые слова и фразы: радикальный ислам; Центральноазиатский регион; религия; государство; общество; террористические организации; безопасность; экстремизм.

Ананьина Дарья Александровна

*Забайкальский государственный университет, г. Чита
ananina_1989@mail.ru*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Исследование выполнено при поддержке Государственного задания № 35.9234.2017/БЧ.

Актуальность рассмотрения проблемы взаимоотношений государства и религии как социальных институтов приобретает на сегодняшний день качественно новое звучание в силу трансформации религии, формы ее проявления в обществе, деятельности религиозных институтов, принципов организации религиозных сообществ. Характерной чертой религиозных изменений последней трети XX и начала XXI в. является активизация радикальных течений религиозного исламского толка, обусловленная политическими процессами, происходящими на территориях мусульманских государств. В подобных условиях назревает необходимость в анализе взаимовлияния государства, религии и общества, а также в формировании конструктивной модели государственно-церковных отношений, отвечающей запросам и потребностям каждой из сторон. В этой связи целью настоящей статьи является рассмотрение деятельности региональных террористических организаций как отражения процессов радикализации ислама на территории ЦА, обусловленных в том числе сложившейся в Центральноазиатском регионе системой государственно-конфессиональных отношений. Для этого, прежде всего, следует определить такие ключевые аспекты, как значение, место и роль религии в Центральной Азии. Как отмечает Ю. Синелина, «идея неизбежного уменьшения влияния религии в обществе с развитием прогресса набирала силу, по меньшей мере, с XVIII века и стала аксиомой к середине XX века, когда в общественных науках утвердился термин “теория секуляризации”» [8, с. 1]. Однако на сегодняшний день ряд исследователей выявляют тенденции к «контрсекуляризации». Так, по мнению М. Мчедловой, религия перестала быть только частным делом человека, она вновь возвратилась в политику, в публичное пространство, причём в самых различных формах и вариантах: от конструктивных, связанных с благотворительной деятельностью и социальной работой, до радикально-экстремистских политических стратегий, от нравственного авторитета до институционализированных форм политической активности. Религиозные интенции проявляются в социальной ткани в различных ипостасях: как инкорпорация религиозных оснований, в том числе в «превращённом виде», как коллективная идентичность в сопряжении с элиминацией традиционных форм политических солидарностей, как один из системообразующих элементов цивилизационной матрицы, как устойчивая часть традиции, как современный действующий надгосударственный участник международных отношений и как неотъемлемый механизм «мягкой силы» [6, с. 16].

Рассмотрение вопроса о значении ислама в регионе ЦА осуществляется рядом авторов, таких, как К. Т. Алимова, Ш. Ш. Саидов и др. Влияние глобализации на трансформацию ислама в ЦА исследуется Н. С. Эсенамановой. Политические процессы и их влияние на состояние ислама описаны А. Малашенко, Н. Д. Назировым и др. Проблема радикализации ислама как вызова безопасности в регионе исследуется Д. В. Малышевым, А. В. Суховым и др. Проблема экстремизма и терроризма под прикрытием исламской религии разрабатывалась Е. В. Абдуллаевым, З. С. Аруховым, С. М. Акимбековым, И. П. Добаевым, А. А. Игнатенко. Как представляется, среди многочисленных работ, посвященных трансформации ислама в радикальные формы в ЦА, недостаточно исследовалась проблема влияния на этот процесс государственно-конфессиональных отношений,

рассмотрение которых на основе источников, использованных в настоящей статье, предоставляет возможность осмыслить и в некоторой степени спрогнозировать вектор их развития. Вследствие разнообразия и многогранности форм религиозной интенции они специфично проявились в государственно-церковных отношениях Центральноазиатского региона (ЦАР), где религия приобретает все большее значение и выполняет при этом широкий комплекс разнообразных функций. Среди них имеют место консолидация этнического самосознания, формирование духовно-нравственной культуры, воспитание чувства причастности к той или иной общине и мировому сообществу, исполнение социальных обязанностей (посредством религиозных норм), формирование идеалов социальной справедливости и чувства долга (перед религиозной общиной и обществом в целом), осознанное отношение к обязанностям человека перед государством и государства перед человеком [4, с. 60-61]. На сегодняшний день можно выделить следующие тенденции, характерные для религиозной ситуации в ЦАР. Во-первых, утверждение ислама в качестве основы, регламентирующей многие сферы частной и общественной жизни. Во-вторых, как отмечает Г. Б. Фаизов, «теснейшее слияние, сложнейшее переплетение политической и конфессиональной власти характерно для всех мусульманских государств», поэтому стремление к конвергенции светских и религиозных ценностей и идеалов в той же мере характерно для стран ЦАР [10, с. 6-7]. В-третьих, тенденция к распространению в регионе идей радикального ислама и основанных на них социально-политических практик, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников [1, с. 45].

Исламский радикализм, в этой связи, сопряженный с деятельностью религиозных террористических организаций, представляет наибольшую угрозу стабильности и безопасности ЦАР. Среди подобных организаций особое место занимают ИДВТ, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, союз исламских джихадистов.

Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ) – религиозная, террористическая организация, состоящая из уйгурских сепаратистов, целью которой является создание фундаменталистского исламского государства Восточный Туркестан на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Согласно информации, представленной на заблокированном с 2008 г. официальном сайте ИДВТ, свою историю движение ведет от сформированной еще в 1940-е гг. Туркестанской исламской партии («Хизб уль-Ислами Ли-Туркестан») [7, с. 32].

Эта партия взяла за основу своей идеологии сформулированную в начале XX века теорию о «Восточном Туркестане» как о территории, на которой якобы существовало древнетюркское государство с 10000-летней историей. Позже название ВТ переняли сразу несколько исламистских движений, добивающихся, во-первых, создания независимого теократического государства, во-вторых, популяризации тюркского языка, и, в-третьих, объединения всей тюркской нации, что свидетельствует о созревании уже в то время пантюркистских идей, находящих отклик в народных массах Синьцзяна. Позже и без того непростая межэтническая ситуация в СУАР, представленная, главным образом, конфликтом между нациеобразующим этносом КНР ханьцами и уйгурами, составляющими почти половину населения СУАР, осложнилась еще большей волной недовольств в адрес китайского руководства. Это выразилось в претензиях по поводу миграции ханьского населения в СУАР, вывоза сырьевых ресурсов в центральные районы Китая, назначения ханьцев на руководящие посты, низкого уровня социальной мобильности, ограничения вероисповедания, в т.ч. закрытия мест отправления религиозного культа. Эти и многие другие меры, предпринимаемые руководством страны, воспринимаются в народной среде Синьцзяна не иначе как дискриминация по национальному признаку, а потому единственным доступным методом покончить с «великоханьским шовинизмом» видится выход из состава КНР и провозглашение суверенитета своей территории. В этой связи проповедуемые ИДВТ идеи об объединении всего мусульманского мира, установлении норм шариата и создании царства Аллаха на земле являются довольно привлекательными для уйгуров СУАР, чье религиозное сознание благополучно впитывает эти идеи, накладывая их на уже выработанное многими десятилетиями протестное настроение, направленное против ханьцев, порождая тем самым симбиоз из регионального национализма и религиозного экстремизма. На сегодняшний день деятельность ИДВТ потворствует соседство с такими государствами, как Афганистан, Пакистан и Индия, являющимися очагами террористической деятельности в Центральноазиатском регионе. Именно благодаря поддержанию тесных контактов с исламистскими группировками из соседних стран, активной вербовочной работе стало возможно внедрение ИДВТ в сеть международных террористических организаций, прежде всего ЦАР. В свою очередь, международные радикалы увидели в ИДВТ родственную организацию, идеологические установки которой соответствовали их собственным, а цели отвечали планам восстановления Халифата [Там же, с. 38]. Этим объясняется активная материальная и финансовая помощь ИДВТ, оказываемая из-за рубежа. Однако ключевую роль все же играет обучение «проповедников», которые осуществляют вербовочную работу в молодежной среде СУАР. Именно молодежь служит ресурсом, благодаря которому происходит непрерывное пополнение в рядах боевиков. А существующие в Синьцзяне социально-политические проблемы и межнациональные конфликты служат подспорьем в достижении целей организации. В идеологическом смысле ИДВТ прошла путь от уйгурского национализма, борьбы за независимый Уйгурстан до призывов к джихаду как единственному пути спасения для мусульманских народов Восточного Туркестана [Там же, с. 39]. Это говорит о радикализации как взглядов, так и методов ИДВТ, чему способствовало сближение с другими радикальными организациями, главным образом с ИДУ. В результате джихадизм был интегрирован и прочно закреплен в качестве идеологической и политической установки. На сегодняшний день роль религии в идеологии ИДВТ остается преобладающей. Она служит главным образом обоснованием для террористической деятельности, а также прикрытием

истинных политических мотивов лидеров организации, которые видятся в «сохранении антикитайского вектора и ориентации на проект Восточного Туркестана, а также в дальнейшем расширении географии интересов организации». И если на протяжении 1990-х и 2000-х гг. география связей ИДВТ не выходила за пределы соседних с Китаем государств: Афганистана, Пакистана и республик Центральной Азии, – то сегодня происходит активное расширение сотрудничества с организациями, расположенными вне непосредственных границ региональной зоны ее интересов. Что свидетельствует не просто «о поиске союзников для борьбы за «земли ислама» против общих врагов, но и видением, в более отдаленной перспективе, будущего Восточного Туркестана в составе обширного Исламского халифата под знаменами ислама» [Там же, с. 41].

В этой связи контрмеры, предпринимаемые китайским правительством в плане безопасности в Синьцзяне, являются беспрецедентными по своим масштабам, однако говорить о том, что деятельность ИДВТ на территории СУАР ликвидирована, весьма преждевременно. Зачатки идей «священной войны» в том или ином виде уже существуют в автономии. На сегодняшний день руководство КНР считает главной своей задачей купирование внешних угроз, исходящих от международных террористических организаций, дислоцированных как в ЦА, на Ближнем Востоке, так и в других частях света, а также поддержание стабильности в регионе, в том числе за счет укрепления боевых частей НОАК. Как отмечает политический комиссар армии НОАК Лю Лэй, «в СУАР ведется работа по укреплению военного потенциала. В сотрудничестве с войсками Чжунцзяна проводятся антитеррористические мероприятия, учения по противодействию терроризму. За последние два года была осуществлена работа по организации солдат и офицеров с целью детального изучения путей и средств, используемых террористами для совершения своей противоправной деятельности. Также проводится углубленное изучение “закона о военном положении КНР”, “закона о чрезвычайных ситуациях КНР”, национальной политики КНР, с целью освоения всех законных способов борьбы с терроризмом, поддержания стабильности в регионе, исследования тактики и методов поведения во внезапных чрезвычайных ситуациях. Все это, несомненно, увеличивает боеспособность армии, а, следовательно, способствует укреплению безопасности в регионе» [11].

Так, по информации, представленной на сайте “China Daily”, «на ежегодной сессии ВСНП, в представленном отчете Шохрант Закир (председатель правительства СУАР) заявил, что 98% террористических атак, планируемых в регионе, были предотвращены на этапе подготовки». Также, отмечает секретарь компартии СУАР Чжан Чуньсянь, «в 2015 году региональное правительство продолжило использование методов по поддержанию социальной стабильности, особенно на низовом уровне, где лежит источник проблемы. И хотя в целом ситуация в Синьцзяне является стабильной, риски остаются, в связи с чем в 2016 году в регионе будут развернуты силы специальных операций, которые в сочетании с новейшими военными технологиями объявят войну терроризму» [12].

Однако ИДВТ, деятельность которой мы рассматривали главным образом в контексте СУАР КНР, также является частью большой террористической системы. Если говорить о Центральноазиатском регионе в целом, то на его территории орудуют сети транснациональных террористических организаций. Государства ЦА рассматриваются в качестве колыбели терроризма, а потому в зонах боевых конфликтов присутствует большое количество выходцев из этого региона. По самым скромным оценкам, в 2015 году от 500 до 1500 чел. из ЦА принимали участие в боевых действиях в Афганистане, Ираке, Пакистане и Сирии. Известно также, что боевики из ЦА устремляются в Сирию через Турцию, некоторые пересекают границы Афганистана и Пакистана для обучения в лагерях в Северном Вазиристане, а затем, отточив боевые навыки, также направляются в Сирию [14].

Одной из террористических организаций, базирующейся в ЦА, считается Исламское движение Узбекистана. По последним данным, ИДУ «самоликвидировалась» за счет вступления в ИГИЛ (запрещенная в России организация) весной 2015 года [3]. Однако фактически «бывшие» члены ИДУ до сих пор представляют угрозу безопасности в регионе, пусть и под знаменем ИГИЛ.

Как представлено в послании председателя Комитета Совета безопасности ООН, «ИДУ в значительной степени ответственно за вербовку в террористические группировки в регионе. Таким образом, ее рекрутеры пытаются заманить трудовых мигрантов в свои ряды. Один феномен вызывает наибольшую озабоченность – это вербовка женщин. Сообщается также, что некоторые, становясь гражданами ИГИЛ, перевозят свои семьи на подконтрольные террористами территории. Некоторые из этих боевиков возвращаются на родину с целью совершения террористических актов» [13].

Также террористическая деятельность на территории ЦА осуществляется за счет Союза исламских джихадистов. Так, в августе 2013 года Государственный комитет по национальной безопасности Кыргызстана задержал трех его членов (все три оказались гражданами Казахстана), им было поручено произвести серию терактов после возвращения из Сирии. В 2014 году 14 членов этой организации были осуждены Кыргызским судом за террористическую деятельность в качестве наемников, им вменялись преступления по подготовке терактов, а также по прохождению обучения в лагерях ИГИЛ, участие в военных действиях в Сирии. В феврале 2014 года 4 человека осуждены судом в Казахстане по обвинению в терроризме после возвращения из Сирии [Ibidem].

Организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» занимает немаловажное место в формировании террористической сети в регионе, выполняя в большей степени пропагандистскую функцию распространения идей радикального ислама. Достигнута эта цель может быть лишь посредством построения единого исламского государства, простирающегося на территории большинства стран ЦАР, включая территорию СУАР КНР [9]. Среди особо успешных методов в вербовке, применяемых «Хизб ут-Тахрир», – распространение листовок и брошюр, а также агитация мирных жителей вступить в ряды партии [5, с. 133]. В Узбекистане активисты ХТИ

знакомились в мечетях с верующими молодыми людьми и предлагали им прочитать одну из брошюр организации, после прочтения четырех брошюр им предлагали вступить в ряды «Хизб ут-Тахрир». Партия запрещена во многих странах Центральной Азии и мира. В Узбекистане, где ее деятельность особенно успешна, официального запрета не существует, однако члены партии при аресте привлекаются к уголовной ответственности. Запрещена – в Казахстане, Таджикистане и России. Открыто действует в Индонезии, Малайзии, Ливане, ОАЭ и Йемене, в Палестинской Автономии. В 2015 году в Согдийской области Таджикистана 9 активных членов «Хизб ут-Тахрир» были приговорены к срокам от 3,5 до 13 лет лишения свободы. На севере Таджикистана в г. Худжанде также были осуждены сторонники этой партии, задержанные Комитетом национальной безопасности Таджикистана [14].

Таким образом, как представляется, вызов, брошенный террористическими организациями государствам ЦАР, не остался без ответа. На сегодняшний день странами региона принят ряд мер по противодействию терроризму. Так, например, в ответ на растущую угрозу вербовки в террористические группировки большинство стран ЦА ввели в действие меры, направленные на недопущение выезда за границу и присоединения к ним граждан. Усилился контроль по отслеживанию и ликвидации террористического трафика, некоторые государства ввели в действие строгие правила регистрации по месту жительства. Более того, ежедневно принимаются меры по «фильтрации» граждан (включающие скрининг и проверку документов) в аэропортах. Благодаря этим действиям в 2013 году были обнаружены и ликвидированы 6 контрабандных каналов, набирающих рекрутов из Кыргызстана, переправляющих их через Турцию в Сирию. Ликвидирована 21 преступная группа, состоящая из граждан Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана.

Однако вопрос о предотвращении и пресечении финансирования террористических организаций в ЦА регионе на сегодняшний день остается открытым. Необходимые законодательные и исполнительные меры по замораживанию активов, а также мониторингу денежных операций не реализованы в силу отсутствия полной информации о перемещениях боевиков. В этой связи все большую актуальность приобретает необходимость эффективного международного сотрудничества и обмена информацией, осуществляемых между соседствующими государствами Центральной Азии. Так, Кыргызстан и Таджикистан создали рабочие группы и межведомственные комиссии по вопросам, касающимся отслеживания террористических элементов [13]. Остро встает вопрос о реализации в регионе превентивных мер, позволяющих на ранних этапах отслеживать и ликвидировать каналы переброски рекрутов в лагеря ИГИЛ, расположенные в зонах боевых конфликтов. Также, учитывая характеристику ЦАР как ресурсной базы для разного рода террористических организаций, главным образом для ИГИЛ, за счет которой обеспечиваются новые армии боевиков, необходимо налаживание просветительской работы в молодежной среде стран региона на предмет опасности, исходящей от радикальных исламистов. Данная форма борьбы с терроризмом имеет принципиальное значение. Демотивация молодых людей на вступление в ряды террористических организаций лишает исламистских «проповедников» своей целевой аудитории, что, в свою очередь, позволяет приостановить преступный конвейер. Однако основополагающим механизмом противодействия ультрарадикальному исламу все же видится налаживание и поддержание здоровых государственно-конфессиональных отношений в странах ЦАР. Модернизация и реформирование в этой сфере предполагают глобальную перестройку основ отношений между государством и религией, исключая при этом как их полное слияние, так и разделение, предполагая такую форму взаимодействия, которая бы способствовала стабильному развитию региона в условиях перехода к постиндустриальному обществу.

Список источников

1. **Добаев И. П.** Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 334 с.
2. **Исламское государство** [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Исламское_государство (дата обращения: 13.11.2017).
3. **Исламское движение Узбекистана самоликвидировалось, его боевики примкнули к ИГ** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:20820> (дата обращения: 03.12.2017).
4. **Лаумулин М.** Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 1. С. 60-79.
5. **Мирсайитов И.** Исламское движение Узбекистана: этапы развития и современное состояние // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6 (48). С. 130-134.
6. **Мчедлова М. М.** Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 10-24.
7. **Надточей И. В.** Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2 (47). С. 28-53.
8. **Синелина Ю. Ю.** Религия в современном мире // Эксперт. 2013. № 1. С. 1-20.
9. **Тулехин У. А.** Террористические организации Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/6196/terroristicheskie.pdf> (дата обращения: 09.12.2017).
10. **Фаизов Г. Б.** Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 124 с.
11. **Чэнь Липин.** Реализация антитеррористического закона, борьба с терроризмом [Электронный ресурс]. URL: http://news.ifeng.com/a/20160114/47064308_0.shtml (дата обращения: 24.12.2017).
12. **Cui Jia.** Terrorism prevention to intensify, Xinjiang chairman reports [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-01/11/content_23034017.htm (дата обращения: 18.12.2017).
13. **Implementation of Security Council resolution 2178 (2014) by States affected by foreign terrorist fighters** [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2015/09/N1527297_EN.pdf (дата обращения: 10.01.2018).
14. **In Sugd were sentenced nine activists of the banned "Hizb-ut-Tahrir"** [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tj/en/news/sugd-were-sentenced-nine-activists-banned-hizb-ut-tahrir> (дата обращения: 03.01.2018).

**STATE-RELIGION RELATIONS IN THE CONTEXT
OF RADICAL ISLAMIC ORGANIZATIONS ACTIVITY IN THE CENTRAL ASIAN REGION**

Anan'ina Dar'ya Aleksandrovna
Trans-Baikal State University, Chita
ananina_1989@mail.ru

The article analyses state-religion relations in the context of ultra-radical Islamic organizations activity. The study focuses on the Central Asian region, which is a “cradle” of different terrorist organizations, mainly of religious orientation. Religion is considered as an instrument that under certain conditions can acquire either constructive or destructive features. At the same time, it is the state-confessional relations that act as a vector directing the development of religion according to one or another scenario.

Key words and phrases: radical Islam; Central Asian region; religion; state; society; terrorist organizations; safety; extremism.

УДК 1(091)(47)«192/198»:001.8

Дата поступления рукописи: 02.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.16>

Настоящая статья посвящена изучению рецепций философского наследия Н. Ф. Федорова в период с 1991 года по настоящее время. В фокусе внимания автора находится проблема текущего состояния философских и научных исследований идей Н. Ф. Федорова в современности, а также проблема институционализации научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности исследователей и последователей Н. Ф. Федорова. Данная проблема ставится впервые в отечественной научной литературе. Автором дается краткий обзор философских и научных направлений, связанных с концепцией Н. Ф. Федорова, а также артикулируются наиболее видные исследования философии общего дела.

Ключевые слова и фразы: Н. Ф. Федоров; философия общего дела; федороведение; русский космизм; русская философия; ноосфера; иммортология.

Барановский Дмитрий Владимирович

Санкт-Петербургский государственный институт культуры
d.baranowski@inbox.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ Н. Ф. ФЕДОРОВА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

*Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Н. Ф. Федоров.
Энциклопедия с онлайн-версией». Проект № 18-011-00953 А.*

Современное федороведение как раздел философской науки о генезисе, истории и развитии философского учения Николая Федоровича Федорова зародилось в 1960-1970-е гг. благодаря трудам С. Г. Семеновой, В. С. Борисова, Н. К. Гаврюшина, позднее – В. Е. Гурьева, А. Г. Гачевой, В. А. Никитина и других [1]. Уже к 1990-м гг., к моменту освобождения отечественной науки от идеологизированного подхода, федороведение в России подошло с установленной методологией, известной разработанностью ряда актуальных исторических и содержательных аспектов учения Н. Ф. Федорова [13]. И именно в 1990-е гг. начинается широкая и разноплановая работа по изучению, развитию, распространению, актуализации философского наследия Николая Федорова отечественными учеными, богословами, деятелями искусства; кроме того, появляются международные связи, создаются институты и организации, связанные с именем «московского Сократа», защищаются диссертации на федороведческие темы. В современной научной литературе как в России, так и за рубежом наблюдается интерес к философии Н. Ф. Федорова. Этот интерес проявляется в различных областях наук – философских, филологических, искусствоведческих, музееведческих, биологических, системологических, политических, исторических. В настоящей статье при помощи библиографического, биографического, компаративного методов предпринята попытка отразить состояние современного отечественного знания о философии Н. Ф. Федорова, обозначить наиболее разработанные направления исследований и деятельности современных федороведов, классифицировать их.

Роль Светланы Григорьевны Семеновой (1941-2014) в зарождении, становлении и развитии отечественного федороведения трудно переоценить. Совместно с несколькими другими энтузиастами С. Г. Семенова ввела в научный дискурс проблему изучения наследия Николая Федорова, актуализировала идеи мыслителя, возвратила в культуру советской, а затем современной России его имя и труды. Семенова вела широкую деятельность по пропаганде, изучению и развитию идей московского Сократа – издательскую (например, издание «Сочинений Н. Ф. Федорова» в 1982-м г.), исследовательскую (биографические и философские труды С. Г. Семеновой заложили основу для многих направлений современных исследований), организационную (проведение «Федоровских чтений», выступления на секциях и симпозиумах «Чтений памяти К. Э. Циолковского» и др.), просветительскую и культурную, нашедшие наибольшее свое выражение в содействии установке памятника Н. Ф. Федорову в г. Борзовске и создании библиотеки им. Н. Ф. Федорова в Юго-Западном